

Улыбка в глазах Жун Сяо стала ещё ярче, а уголки губ едва заметно изогнулись. В тот же миг его образ «паиньки» бесследно испарился, уступив место неожиданной уверенности, граничащей с дерзостью.

— Сами проверьте — и всё узнаете.

В этот момент помощнику режиссёра, следившему за монитором, стало не по себе. Он легонько подтолкнул локтем главного режиссёра, Лун Цзэ:

— Что за парня на этот раз притащил Шэнь Дуншэн? Неужели он и впрямь изучал традиционную медицину?

Лун Цзэ и сам пребывал в смятении, но вслух лишь бросил:

— Может, просто притворяется?

Помощник покачал головой. За годы работы он, хоть и не снискал великой славы, научился доверять своему чутью — он прекрасно видел разницу между игрой и реальностью. Взгляд этого мальчишки лучился неподдельным азартом, который невозможно было симитировать.

Пока они спорили, старик с белой бородой подошёл к подносам. С крайне серьёзным видом он трижды обошёл вокруг стола, изучая записи. Всё это время Жун Сяо молча стоял в стороне, ожидая вердикта.

Наконец наставник остановился и посмотрел на юношу.

— Ладно, иди к приказчику за жалованьем, — буркнул он, величественно взмахнув рукой. — Считай, что тебе сегодня крупно повезло!

Жун Сяо не стал с ним спорить и лишь с улыбкой кивнул:

— Тогда я пойду, учитель.

Молодой человек поспешил прочь, а оператор, обливаясь потом, припустил следом за ним, на ходу выравнивая тяжёлую камеру.

Оставшись один, старик поднял с подноса одну из трав и внимательно взгляделся в почерк на ярлыке.

«А малец-то не прост... — пронеслось в голове у актёра. — Каллиграфия и впрямь великолепная. Видно, что годами руку набивал»

Жун Сяо вернулся в главный зал. Приказчик, который совсем недавно принимал его, мирно пил чай. Увидев юношу, он едва не поперхнулся и вскочил с места:

— Как ты так быстро?

Юноша лишь слегка повёл уголком губ:

— Наставник велел забрать у вас деньги.

— Ты ведь не пришиб наставника, чтобы выманить у меня жалованье? — подозрительно прищурился лавочник.

— Если не верите, можем сходить и спросить его вместе.

— Ладно-ладно... Раз ты такой способный, вот тебе восемьдесят серебряных долларов. Трать с умом! Я слышал, вас тут пятеро прибыло, но только тебе так подфартило — попал ко мне. Остальные невесть где болтаются. Ты как, деньги заберёшь и к ним пойдёшь или по своим делам отправишься?

С этими словами мужчина отсчитал ему восемьдесят серебряных долларов. На деле же это оказались обычные бумажные купюры. Жун Сяо поглядел на засаленную пачку из пятерок, десяток и двадцаток, и на душе у него вдруг стало немного тоскливо.

— А вы как думаете, — улыбнулся он, сворачивая деньги и пряча их в карман, — стоит мне возвращаться или нет?

— Откуда мне знать! — отмахнулся приказчик. — Иди-иди, получил своё — проваливай, не мешай торговле.

Сказав это, он развернулся и ушёл во внутренние помещения, явно не собираясь больше проронить ни слова.

Жун Сяо на мгновение замер у порога, а затем обернулся к оператору, который неотступно следовал за ним:

— Братец, вы, должно быть, пить хотите? Давайте я куплю вам воды.

Тот, не ожидавший такой заботы, на секунду оторопел, но тут же смущённо покачал головой.

Несмотря на отказ, юноша, выйдя на улицу, сразу направился к лотку с мороженым. Торговец, одетый в типичный для той эпохи холщовый халат, стоял возле термобокса.

— Дядя, у вас есть вода? — Жун Сяо указал на ящик.

Торговец — то ли от природы смуглый, то ли специально загримированный — посмотрел на него с простодушной улыбкой:

— Есть. Сколько бутылок?

Он показал два пальца. Мужчина протянул ему две бутылки минералки. Жун Сяо протянул ему пять юаней и одну бутылку оставил себе, а вторую протянул оператору. Тот поначалу отнекивался, но парень сам отвинтил крышку:

— Пейте, братец. Как выпьете, я сразу поверю, что вы снимете меня в лучшем виде.

Оператор больше не сопротивлялся. Поблагодарив, он с жадностью осушил половину бутылки.

Сделав пару глотков, Жун Сяо задумчиво произнёс:

— Тот приказчик намекнул, что у меня есть два пути, и результат будет разным. Если я решу вернуться к остальным, ваша смена на этом закончится?

У оператора ёкнуло сердце. Встретившись взглядом с юношей, он внезапно понял, почему тот так настойчиво предлагал ему пить. Мужчина только и смог, что горько усмехнуться:

— Даже не спрашивай, я всё равно ничего не скажу.

— Ну ладно, значит, подкуп не удался, — Жун Сяо не выглядел расстроенным. — Пойдём тогда просто посмотримся. Мне и самому любопытно, чем заняты остальные.

В конце концов, это был его дебют, и чем больше он получит экранного времени, тем лучше. Двести тысяч ещё не лежали в его кармане, так что расслабляться было нельзя.

Отойдя метров на двести, он внезапно остановился:

— А почему этот львёнок смотрит в ту сторону?

Юноша направился к каменному мосту неподалёку. У его подножия стояли две массивные статуи львов. У левого под лапой был резной шар, что означало самца, у правого — львёнок, символ самки. По правилам, львёнок должен был смотреть в ту же сторону, что и мать, но этот

почему-то был повернут к льву-самцу. Жун Сяо подошёл ближе, ухватил львёнка за голову и попробовал повернуть. Раздался тихий щелчок — камень поддался, и фигурка встала на место.

В тот же миг в открывшемся под статуей пазу показался ключ. Юноша на мгновение замер, а затем вытащил находку:

— И от чего же этот ключ?

Пока он рассматривал его, в штабе съёмочной группы воцарилась гробовая тишина.

— Я ведь был уверен, что спрятал его надёжнее некуда, — пробормотал помощник режиссёра. — Да что не так с этим парнем?

— Без паники, это всего лишь ключ, — попытался успокоить его Лун Цзэ, хотя и сам смотрел на монитор с нескрываемым изумлением. — Даже если он его нашёл, он всё равно понятия не имеет, что им открывать. Ничего страшного.

Режиссёр продолжал твердить, что это простая случайность, однако всё же распорядился собрать команду на экстренное совещание. Было ясно: одними словами утешения ситуацию не исправить, пора было готовить запасной план.

Жун Сяо и не подозревал, что из-за него всей съёмочной группе пришлось срочно менять сценарий на ходу. Он спокойно шёл по улице, пока не заметил крестьянку, торговавшую овощами у обочины. Молодой человек невольно задержал на ней взгляд — не потому, что она чем-то выделялась, а потому, что место для торговли она выбрала на редкость удачное: прямо посреди оживленной дороги.

Приглядевшись, он не сдержал улыбки. Перед ним была Тан Синьи — признанная «непорочная дева» экрана.

Самой Тан Синьи в этот момент хотелось провалиться сквозь землю. Она, человек, который превыше всего ставил свой имидж и чей «багаж идола» весил больше неё самой, умудрилась вытянуть роль торговки овощами. Но полбеды — роль, ей ещё и наложили такой уродливый грим, что хотелось разрыдаться прямо здесь, над корзиной с капустой.

<http://bllate.org/book/15861/1439866>